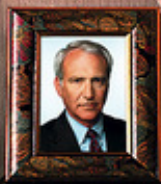

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Весь в папу!

Марина С. Серова
Весь в папу!
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166925

Весь в папу!: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-17282-3

Аннотация

Как все тесно переплетено в этом мире! К частному детективу Татьяне Ивановой обращается за помощью крупный бизнесмен и политик: парочке горе-шантажистов удалось заснять на пленку подробности его интимной жизни. Начав расследование, сыщица приходит к выводу, что это дело прямо связано с убийствами годичной давности, которые так и остались нераскрытыми. И Татьяна оказывается втянутой в загадочную историю, от разгадки которой зависит ее жизнь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина Серова

Весь в папу!

Глава 1

– Ты посмотри, Катька! – восторженно шептал Сашка. – Вот это блеск!

Честно говоря, Катька очень замерзла, и происходящее на александровской даче ее нисколько не интересовало. Она бы куда охотнее сидела в эту промозглую осеннюю ночь дома и пила бы горячий чай. Или, укрывшись одеялом, читала бы толстую книгу.

Вместо этого она торчала вместе с другом в зарослях шиповника, пытаясь разжиться материалом, за который Перфилов обещал огромные деньги.

«Не дай бог зажилит», – подумала Катька, хотя голос рассудка подтверждал ее сомнения. Перфилов ужасно не любил расплачиваться. Его розовой мечтой был такой вариант своеобразного коммунизма, когда все вокруг согласны работать просто так, без денег. Деньги же поступают в перфиловский карман. Идиллия... А Сашка – балбес, хмуро решила Катерина, глядя на своего приятеля, исполненного жизнелюбия и оптимизма. Если бы не он, она бы никогда не стала изображать из себя папарацци.

За окном вовсю шло веселье. Алексанов скакал по комнате абсолютно голый, держа в руках детские помочи, в которых гарцевала нагая девица. Веселую компанию завершала вторая красотка с пышными грудью и задом, упакованными в черный кружевной комбидресс. Красавица лупила господина Алексанова кнутиком по розовому и обвислому заду, но странному джентльмену такое нестандартное обращение нравилось. Даже здесь Катьке были неплохо слышны его довольные повизгивания и похрюкивания.

«Ну и гадость», – поморщилась Катька. Она взглянула в Сашкину сторону. Неужели ему интересно смотреть на эти мерзости? Она вздохнула. Его глаза блестели. На губах появилась пошлая ухмылка.

Увы... Сашке их игры нравились. Он уже предвкушал, какую клубничку со сливками он продаст Перфилову. Кассета записывала мельчайшие подробности спектакля, благодаря специальным приспособлениям приближая то, что Алексанов пытался спрятать от посторонних глаз за легкой паутиной тюля. Сашка предусмотрел все. Даже звук записывался на кассету так, как если бы Сашка находился в комнате, – смех девиц, довольное гоготание ненормального всадника и резкие удары кнута.

Катька тоскливо осмотрелась. Вокруг царил тишина. Иногда только где-то очень далеко ухала сова.

«Твин-Пикс какой-то», – усмехнулась Катерина. Бред сивой кобылы.

В отдалении хрустнула ветка. Зашуршали листья. Катька вздрогнула. Сощутив глаза, она попыталась увидеть в этой крошечной тьме хоть что-нибудь. Ей показалось, что они не одни в этих зарослях.

Она почувствовала чье-то дыхание. Быстро обернулась, но никого не было. Наверное, это летучая мышь пролетела, решила она, чтобы успокоиться.

Катя посмотрела на Сашку. Тот был слишком заморожен зрелищем и ничего не слышал.

У Катки защемило в груди. Ей захотелось расплакаться от страха, холода и злости. Сашка – с его раскрытым ртом и округлившимися глазами – начал ее раздражать.

В левой стороне опять затрещали ветки. Катька вздрогнула. Нет, определенно, там кто-то есть. Они явно не одни. Ей показалось, что она увидела силуэт человека. Всего одно мгновение он стоял, смотря в сторону алексановской дачи. Но он был там, в этом Катерина была готова поклясться чем угодно, даже своей жизнью!

Она схватила Сашку за руку.

– Что? – недовольно обернулся он.

– Там... – показала она рукой в сторону, где только что видела силуэт. – Там кто-то есть.

Сашка бросил туда быстрый взгляд. «Дуреха, – подумал он, – там же никого нет. Вот трусиха...» Зря он с ней связался.

– Нет там никого, – усмехнулся он. – У тебя глюки от стра-

ха.

Катька всмотрелась в темноту. Силуэт исчез. Только ночной мрак царил везде. «Ветки... Я приняла за человека сплетенные ветви», – решила она. Ей стало спокойнее. Совсем чуть-чуть. Но дрожь, появившаяся в пальцах рук, понемногу исчезла.

– Наверное, – вздохнула она, – от холода все возможно.

Сашка больше не обращал на нее внимания. Камера продолжала фиксировать происходящее за окном. Теперь Перфилов его не уволит. Это будет такой материальчик, что... Сашка задохнулся от предвкушения своей победы.

Разгорячившийся от физических упражнений Алексанов подошел к окну. Сашка хорошо видел его лысину, склонившуюся над подоконником, и темноволосую девушку рядом с ним. Рука Алексанова гладила живот девушки, и он довольно улыбался.

То, что произошло потом, заставило Сашку встрепенуться. Сначала он услышал тихий свист. Он обернулся в сторону, откуда свист донесся, и увидел...

Недалеко от них стоял человек. Сашка толкнул Катьку локтем. Она вздрогнула и недоуменно посмотрела сначала на него, потом повернулась в сторону, куда показывал Сашка.

Прямо перед собой она увидела высокого мужчину, только что выпустившего из лука стрелу. Ночной стрелок был красив. Его профиль напоминал античную камею. Длинные

волосы были перехвачены на лбу широкой лентой.

Катка боялась вздохнуть. Зрелище было прекрасным. Мечтательной Катерининой натуре сразу вспомнились легенды о Шервудском лесе. Она забыла о том, что ей тоже, возможно, угрожает опасность. Возглас восхищения был готов сорваться с ее губ. Она с трудом удержалась.

То ли хозяин дачи что-то заметил, то ли почувствовал, но на лице господина Алексанова появился страх. Его челюсть отвисла, как у объевшегося бульдога. Он резко, по-лягушачьи согнулся и отпрыгнул. Девушка заливалась хохотом. Она была слишком пьяна, чтобы осознавать происходящее. Она даже не успела испугаться...

Стальной наконечник стрелы вонзился несчастной в лоб.

Сашка услышал крик. Он посмотрел на камеру.

Камера продолжала снимать.

Катка повернулась, увидела, что произошло, и тоже была готова закричать. Сашка быстро зажал ей рот рукой.

– Тихо, – прошептал он.

Осторожно, боясь, что их заметят, он повернулся в ту сторону, где он только что видел стрелка.

Там никого не было.

Стрелок исчез так же загадочно, как появился.

* * *

За моим окном царила ночь. Я только что закончила чи-

тать и, лениво потянувшись, посмотрела на часы. Ого, подумала я, дорвалась ты, Иванова! На часах-то уже перевалило за три ночи.

Я посмотрела на лежащий передо мной томик Диккенса. Однако, любезный мой сэр Чарлз, отчего это я увлеклась вашими «Записками Пиквикского клуба» до такой степени, что время превратилось для меня в абстракцию?

Таково благотворное влияние классики. Нервы мои, изрядно перегруженные работой, успокоились. Я расслабилась, ощущая спокойствие и незыблемость мира каждой клеточкой своего организма.

Ладно, решила я. Весь год я только и занималась тем, что лишала себя этого удовольствия. Если я и не спала по ночам, то связано это было с тяжелой производственной необходимостью. А уж чтение книг было непозволительной роскошью.

Сейчас я взяла тайм-аут. Я отдыхала на даче в Аддымчаре и пользовалась такой замечательной привилегией, как полное отсутствие телефона. Это означало, что Танюшку никто побеспокоить не сможет. Даже если случится всемирный потоп, я узнаю об этом в числе последних. А может быть, буду поставлена непосредственно перед фактом.

Напевая себе под нос незатейливую мелодию, я поставила чайник. От свободы кружилась голова. Хорошо не спать ночью, зная, что весь завтрашний день можно проваляться в постели.

Чайник довольно быстро закипел, я сделала себе кофе и включила магнитофон.

Поглядев в окно, я убедилась, что не сплю только я. Правда, у соседей горел свет внизу, но это была своеобразная маскировка – последнее время на наши дачные участки напали с целью наживы местные адымчарские мародеры. Поэтому многие пытались создать иллюзию собственного присутствия. Мои соседи использовали для обороны электрическое освещение. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ЗАБРАТЬСЯ, ДОРОГИЕ ГРАБИТЕЛИ, – МЫ ВАС УВИДИМ...

Было спокойно. Пела Стрейзанд. Ее голос оживлял и наполнял собой ночь. Я начала ей подпевать. Еле-еле, едва-едва – чтобы она не услышала. Вряд ли ей это понравится.

Представив, как Стрейзанд является в мою комнатку разъяренная и недовольная, я засмеялась. Сцена выходила презабавная. В мое несколько экзотическое для избалованной суперзвезды американки бунгало вваливается Барбра, вся в ослепительных драгоценностях и платье цвета «электрик». Она испуганно озирается, ее взгляд натывается на меня и становится возмущенным:

– Что это вы себе позволяете?

– Ах, простите, я и не знала, что вам нельзя подпевать...

– Но НЕ ТАКИМ ЖЕ ГОЛОСОМ, мисс Иванова...

Картина внезапно получила реальное продолжение. Я услышала довольно громкий стук в дверь. Сначала мне показалось, что стучат ко мне. И вряд ли это явилась ко мне

Стрейзанд. Мисс Барбра не станет ночами разгуливать в сельской нашей местности на предмет обнаружения непочтительных поклонников... Значит, это клиенты... Клиенты?! И не просто клиенты, а обремененные спешным, срочным, не терпящим промедления дельцем... Иначе с какой стати являться глубокой ночью? Только в случае угрозы жизни и здоровью... Я почувствовала себя нехорошо. Вот клиентов-то мне видеть сейчас совсем было некстати... Стук продолжался. Я осторожно прислушалась.

Слава богу... Стучат к соседям. Не ко мне.

* * *

Под их ногами трещали сучья и ветки, деревья преграждали им дорогу, но ничего не могло их остановить.

Одно-единственное желание двигало их вперед.

Стремление наконец-то выбраться из проклятого места.

Ветки хлестали их по щекам. Ветер сопровождал бег грозным крещендо завываний.

Наконец впереди появился просвет. Сашка схватил уставшую Катерину за руку и вытащил ее на поле скошенной кукурузы. Недалеко стоял их мотоцикл. Из Сашкиной груди вырвался вздох облегчения.

– Выбрались... – простонал он.

Они поглядели друг на друга. От сумасшедшего бега оба дышали, как паровозы. И ни Катерина, ни Сашка не помни-

ли, как они добежали до мотоцикла.

Сашка прыгнул в седло. Катерина в мгновение ока оказалась за его спиной. Они рванули в сторону города с такой скоростью, будто за ними гонятся вампиры, а алексановская дача является на самом деле замком графа Дракулы.

«Мы влипли, – мрачно подумала Катька, – если там обнаружат следы нашего пребывания, нам не отмазаться».

Она понимала, что придумывает это. Но ей отчего-то казалось, что она, Катерина Соколовская, корреспондент службы информации местного ТВ, стала соучастницей убийства.

Она зажмурилась и глотнула холодный воздух. Мотоцикл нес их с огромной скоростью к Тарасову. Обычно Катька такой скорости боялась. Но сейчас она мрачно решила, что, если они разобьются, это будет неплохим решением проблем. Совсем даже неплохим.

* * *

– Хозяева?! Откройте!

Я вздрогнула. Мне показалось, что обладательница отвратительного надтреснутого голоса изрядно пьяна.

В соседней даче зашевелились. Свет в спальне включился, и я услышала, как открылась дверь. Сонный голос соседа вежливо поинтересовался, что побудило милую леди нанести им столь поздний визит? «Милая леди» начала оглушительно рассказывать историю о застрявшей в поле машине,

которую некому вытащить, поскольку джентльмен, ее сопровождающий, увы, находится в некондиционном состоянии. Вся надежда только на бедного моего соседа.

Дальше было слышно плохо. Они начали разговаривать тише, я могла только догадываться, что Иван Ивановича просят о чем-то. Женщина взволнованно что-то объясняла, а Иван Иванович ее слушал. Потом он сказал что-то своей жене, и я увидела в окно две удаляющиеся фигуры. Одна принадлежала Иван Ивановичу, одетому в болотные высокие сапоги и штормовку, а вторая... Посетительница была довольно стройна, но плохо держалась на ногах. Одетая она была в дорогое тряпье и явно относилась к представительницам древнейшей профессии.

Я подумала и решила, что выходить мне не стоит. Обнаглевшие путаны уже ходят по домам и заставляют смиренных граждан становиться клиентами насильно. Ну и дела!

Но на улице было холодно.

Судьба моего соседа меня беспокоила. Я не стала ложиться, пока не увидела в конце проулка его долговязую фигуру. Вернулся он довольно скоро.

Прошло не больше сорока пяти минут.

Сначала мои соседи долго не засыпали, обсуждая происшествие. Потом свет в их окнах погас – видимо, они справедливо решили, что лучше пускай нападут грабители, чем опять зайдут на ночной огонек гости. Стало темно и тихо, только где-то стрекотал сверчок.

Я закуталась в одеяло. «Жизнь все-таки замечательная вещь», – подумала я, уже засыпая. Когда тебе не нужно выбираться из мягкой постели и мчаться на поиски убийц. Когда впереди тебя ждет еще неделя беззаботного существования. Когда, черт возьми, ты никому ничего не должна... И если ночью стучат, то стучат не к тебе...

* * *

Катка сидела на кухне. Она пыталась успокоиться и согреться. На смену нервной дрожи пришло оцепенение. Горячий чай согревал и расслаблял.

Сашка переписывал кассету с камеры на магнитофон и размышлял над тем, что увидел. Перфилов даст за это деньги. Даже жадина Перфилов раскошелится, чтобы получить такие сногшибательные съемки. Надо только продумать собственные действия. Чтобы Перфилову не удалось его одурачить.

Тогда Сашка поднимется с помощью этой «черной» кассеты. Он станет лучшим из лучших. Сашка зажмурился. Он представлял себе сладкие картины большого будущего.

Но сначала – фильм, который он сделает. Кадры, где Алексанов громит врагов и яростно печется о будущем России. И следом – кадры, где он развлекается. Вспомнив о том, как Алексанов развлекается, Сашка ехидно фыркнул.

Скоро выборы, и господин Алексанов – один из кандида-

тов. Этот фильм погубит его карьеру. А он, Сашка, прославится. Непременно прославится...

Он вышел на кухню. Катька сидела с унылым видом. Ему даже показалось, что она сейчас заплачет. Конечно, на ее глазах произошло убийство. Ее можно понять... Она же девчонка. Воспоминание о ночном происшествии заставило Сашку поежиться.

Сашка почувствовал нежность к этой тоненькой, слабой девочке. Он подошел к ней и приобнял за плечи.

– Кать... – позвал он ее тихо.

Она вздрогнула, подняла на него усталые глаза и, уткнувшись в его живот, разревелась.

Он прижимал ее к себе и пытался успокоить, тихонько приговаривая:

– Ну, ладно... Кать, все будет хорошо... Все будет как надо...

Только «как надо», Сашка не знал.

* * *

Я проснулась неожиданно рано. За окном уже вовсю сияло солнце и пели птицы. Сегодняшнее утро обещало теплый, погожий денек.

Подумав, что можно понежиться в постели, я с сожалением отвергла эту мысль.

Слишком мало осталось впереди теплых дней. Приближа-

лась дождливая пора, и надо было ухватить последнее тепло, чтобы перенести зиму с наименьшими потерями. Чем больше солнца получит твой организм, тем проще справится с зимними холодами.

Я быстро встала. Поставила чайник. Кажется, я успела израсходовать почти все запасы кофе. Впрочем, пока я могла позволить себе немного роскоши.

Во дворе слышался голос жены Иван Ивановича, Лидии Григорьевны.

Я вспомнила о ночных похождениях своих примерных соседей и засмеялась. Утром ночные страхи теряют свою силу. Солнце превращает их в ничто.

Лидия Григорьевна постучала в мою дверь, как только поняла, что я проснулась. Моя матушка оставила ей распоряжение проследить, чтобы ее великовозрастное чадо нормально питалось хотя бы на даче.

– Доброе утро, – улыбнулась Лидия Григорьевна, входя в мое бунгало. – Как спалось, Танечка?

Ее взгляд сразу уловил, что непослушная Танечка и не думает откусать творога и яичницы, а намеревается обойтись кофе с круассаном. Благо что круассанов у меня было достаточно для того, чтобы не только ими завтракать, но и обедать.

– Нормально, – кивнула я. – Хотите кофе?

– Нет, – покачала она головой. – Ты позавтракала?

– Конечно, – нахально соврала я.

Она мне явно не поверила. Но твердости характера ей не хватало. А я постаралась перевести разговор на более интересную тему:

– Лидия Григорьевна, а кто это вам ночью спать не давал? – поинтересовалась я.

Лидия Григорьевна присела и вздохнула:

– Ох, Таня, люди такие наглые... Бабочка на свет залетела, принесла ее нелегкая... Машина у них, видите ли, застряла. Надо было подтолкнуть. А Ваня – джентльмен. Он женщину в ночи не бросит.

– Толкнул? – поинтересовалась я. Сама бы я никогда не пошла ночью толкать машину. Если бы меня попросил мужчина, например.

– Толкнул, – кивнула головой Лидия Григорьевна, – только ему даже спасибо не сказали. Пьяные они все, Таня, были. В дым. Одна девка даже, Ваня сказал, лежала как мертвая. На заднем сиденье. И мужик был странный. Замотанный шарфом. Будто у него зубы болели. А машина хорошая. Не наша...

– Хорошо, что не убили, – философски заметила я, – в знак благодарности.

– Да они рванули как угорелые к лесу, – сообщила обрадованная моим вниманием Лидия Григорьевна. – Знаешь этот лес, где грибы-то собирают?

Я кивнула. Ночное происшествие перестало меня интересовать. Пьяная компания резвилась. Все примитивно. Заеха-

ли на пашню и запоздало поняли – не туда. Выбираться надо, а трудно. Трудности же эта публика любит делить с окружающими.

– Самое интересное, Тань, они сказали, будто в гости приехали, – задумчиво заметила Лидия Григорьевна на прощание, – а когда Ваня попытался вывести к кому, выяснилось, что они и сами не помнят... Надо ж до такой степени напиться!

И она ушла, покачав головой.

Я посмотрела ей вслед. История, произошедшая ночью, показалась мне забавной.

Предположим, что в машине была вовсе не пьяная в дым девица. А убиенная. И везли ее в лесок, дабы там бренное тело ее нашло последний приют...

Ах, какая историйка-то получилась!

«Иванова, – строго сказала я себе, – ты на отдыхе. Работа, кажется, скоро сведет тебя с ума. Тебе начнут мерещиться трупы в кустах, как рояли».

Я усмехнулась. Лучше выпить кофе и насладиться тихим адымчарским покоем.

Глава 2

Анна Егоровна была большой любительницей собирать грибы. Сегодня она решила забросить все свои дела. Вчера прошел дождик, а сегодня сияло солнце. А это значило, что в лесу народились грибочки. А раз они там народились, ей туда необходимо отправиться немедленно. Пока не нашлись еще охотники.

Мысль о будущем наслаждении Анну Егоровну взбодрила. Напевая, Анна Егоровна нарядилась в тулупчик и резиновые сапоги, взяла в руки берестяной туесок, подаренный ей дочкой, и отправилась навстречу мирным приключениям.

В лесу было спокойно и тихо. Грибов действительно было много, и Анна Егоровна довольно быстро набрала почти полную корзину замечательных маслят, нашла несколько крепких боровиков и даже обнаружила семейку опят.

Можно было бы уже и вернуться, но ноги у Анны Егоровны были уже не молодые и устали, поэтому Анна Егоровна решила отдохнуть. С этой целью направилась она в сторону поваленного дерева, на котором хотела посидеть немного, отдышаться и осмотреть свои находки.

Она почти дошла уже до цели, как взгляд ее натолкнулся на странную насыпь. Анна Егоровна остановилась, упершись в холмик носком правой ноги, и застыла в мистическом страхе. Холмик был совсем свеженький, формой своей

напоминал могилку. Более того, Анне Егоровне почудилось, что сверху чья-то добрая рука выложила из деревяшек маленький крестик.

— Батюшки... — прошептала женщина и от ужаса чуть не уронила корзинку с грибами на землю. Перепуганная дачница побежала от проклятого места, на которое ее вынесла нелегкая, со скоростью спринтера, забыв о больном сердце и ноющих ногах.

Анна Егоровна была на этом месте только позавчера. И позавчера никакой могилки тут не было. В этом она была готова поклясться. Откуда ж страшный холмик появился?

Разыгравшееся воображение рисовало бедной женщине картины жутких преступлений. Она мчалась прочь, прижав к груди корзинку с грибами. А видение лесного таинственного захоронения все преследовало ее, заставляя двигаться быстрее.

* * *

Виктор Степанович Алексанов пришел на службу в отвратительном настроении. Елена поняла это сразу по тяжелому взгляду, брошенному на нее из-под кустистых бровей. Она улыбнулась ему чарующей улыбкой, но он ответил на ее «доброе утро» невнятным бурчанием, прошел в кабинет и хлопнул дверью.

Елена пожала плечиками. «Наверное, босс вчера пере-

пил, – решила она. – Пройдет».

Она села за компьютер, достала зеркало и начала подправлять макияж. Компьютер надежно скрывал ее от взглядов начальства. Правда, Леночка знала, что ее связь с Брызгаловым на все сто процентов защищает ее от чьего бы то ни было недовольства. Алексанов дядю Борю боялся. Впрочем, дядю Борю боялся весь город.

Леночка усмехнулась. Один человек, не боящийся господина Брызгалова, все-таки существовал. Она, Леночка...

Звонок прозвучал внезапно. Леночка подняла трубку.

– Будьте добры, Виктора Степановича, – услышала она странный голос. Судя по прононсу, обладатель его страдал хроническим гайморитом.

– По какому вопросу? – привычно поинтересовалась она.

– По личному, – ответили ей, странно усмехнувшись.

Леночка пожала плечами.

– Он ждет вашего звонка? Вам назначено?

На том конце трубки воцарилось молчание. Потом звонивший кашлянул и сказал:

– Вы не поняли. Я звоню по ЕГО личному делу. И в его интересах выслушать меня. Скажите ему, что это касается сегодняшней ночи.

– Хорошо, – сказала Леночка, отчего-то испугавшись. Внутренний голос посоветовал ей не ввязываться в эту конфликтную ситуацию. – Подождите минуточку...

И нажала на кнопку пульта.

Мысль о том, как побыстрее разбогатеть, пришла в Сашкину голову ночью. Она озарила его неожиданной и ясной простотой.

Он даже подскочил. Можно было убить двух зайцев сразу – все выглядело в его голове просто и логично.

Поэтому с утра он бросился к таксофону. Узнать номер алексановского рабочего телефона труда не составило. В справочной АТС ему любезно выдали номер алексановского офиса. Наш сервис из всех сил тянулся за капиталистическим. И, надо отдать должное, иногда ему это почти удавалось.

Он радостно похлопал ладошками. Предприятие, задуманное им, сулило прибыль совсем неплохую...

Суеверное отношение к будущему заставило его трижды плюнуть через левое плечо и постучать по деревяшке.

Впрочем, грядущее безоблачное счастье переполняло его душу ликованием, которым было необходимо срочно поделиться. Он заглянул в спальню.

Катерина еще спала, утомленная прошедшей ночью. Он посмотрел на нее. Она по-детски подложила под щеку ладони. Ему захотелось ее поцеловать, но будить было жалко.

Все равно она этого не поймет. Он расскажет ей обо всем после звонка. Если звонок принесет ему удачу.

Виктор Степанович сидел с закрытыми глазами. Ему было не по себе. Из головы не выходила нынешняя ночь. Его хотели убить!

За что? Неужели политика? Вполне возможно... Но отчего-то в это верилось с трудом. Алексанов признался себе в том, что вряд ли кому-нибудь он интересен в качестве политической фигуры.

Он провел ладонью по лбу. Ночной случай говорил ему о том, что нужно быть более осторожным.

Но он и так осторожен! Он нарочно выстроил свою виллу на окраине Адымчара. Там он надеялся спрятаться не только от любопытных глаз, но и от возможной опасности.

Его окружали телохранители, приставленные к нему Брызгаловым.

Теперь он впервые за много времени почувствовал себя незащищенным. Стрела предназначалась ему. И эта стрела будет искать его, пока не найдет.

Или пока он сам не найдет того, кто послал ее.

А как? Да и оружие убийства странное какое-то... Может, подростки развлекаются? У них теперь игры опасные... Но версия о подростках даже самому Алексанову казалась неестественной. Нет. Искали именно его.

Он поежился. Даже представить, кому нужна его смерть,

он не в состоянии. Что-то вертелось в голове, но оставалось неоформленным в мыслях. Очертания были неясными и зыбкими. Ухватиться за них он не мог, сколько ни пытался.

Самое обидное, что это происходит сейчас. Когда Александр мог сказать, что он на коне. Когда деньги позволяют ему купить любую – даже самую дорогую – вещь. Он так долго ждал этого – своего! – часа.

Он горько вздохнул.

Зуммер пульта зажужжал, как назойливая муха. Он нажал на кнопку. Испуганно посмотрел на серое чудовище. Сейчас он был склонен отовсюду ожидать удара. И все-таки... Почему – стрела? Он задумался. Стрела не вязалась с реалиями сегодняшней жизни. «Что-то средневековое», – подумалось ему. И в то же время его не покидало ощущение, что избранным видом оружия ему хотели что-то сказать...

– Виктор Степанович, поднимите трубку, – раздался голос Елены, оторвав его от размышлений.

– Кто? – спросил он немного грубовато.

– Не знаю, – он почти увидел, как она пожала плечами, – сказали, что вы в этом заинтересованы. Что-то о сегодняшней ночи...

Он вздрогнул. Опять... Ему не давали уйти. Его преследовали. Александр рассеянно кивнул. Может быть, звонок принесет с собой разгадку?

Он поднял трубку. В том, что Елена не преминет подслушать разговор, он не сомневался. Ну и пусть.

– Виктор Степанович? – поинтересовался гнусавый голос. – Живы после вчерашнего?

Алексанов сжал трубку так, что побелели костяшки пальцев. Стрела опять засвистела над его ухом. Не позволяя ему спрятаться.

– Что...

– А у меня для вас кое-что есть, – глумливо протянул голос, – хотите купить порнушку, а, Виктор Степанович? Или я ее телевидению продам?

* * *

Анна Егоровна не помнила, как добралась до дома. Некоторое время она сидела, уставившись в одну точку.

А может быть, она зря всполошилась? Мало ли что там могло быть... Мусор выбросили. Или собаку мертвую закопали?

Она встряхнулась. Мимо ее дачи проходила Лидия Григорьевна.

– Вам нехорошо? Анна Егоровна, что с вами? – испуганно спросила она, обратив внимание на землистый цвет лица женщины.

– Ничего, – попыталась успокоить и ее, и себя Анна Егоровна, – ничего. Все, Лидочка, нормально.

Лидия Григорьевна вошла во двор. Она взяла запястье Анны Егоровны, нашла пульс. Конечно, он был учащенный.

Лидия Григорьевна забеспокоилась. Как бы не пришлось Анну Егоровну срочно везти в Тарасов.

– У вас корвалол-то есть? – озабоченно спросила она у женщины. Та кивнула, жестом указав на кухню.

Лидия Григорьевна нашла корвалол, накапала тридцать капель и принесла его Анне Егоровне.

Выпив лекарство, та успокоилась.

– Там, Лидуша, в лесу, – могилка свежая, – поделилась она, – я грибы собирала и наткнулась...

Лидия Григорьевна не поняла.

– Какая могилка?

– Может, и не могилка... Только меня в этот поганый лес больше никакими грибами не заманишь, – поджала обиженно губы Анна Егоровна, бросив в сторону наполненного грибами лукошка такой взгляд, будто было оно наполнено не маслятами, а мухоморами и поганками.

Лидии Григорьевне стало немножко не по себе. Она зябко поежилась. Что привиделось пожилой даме? Какая могилка?

– Да бросьте придумывать, Анна Егоровна! – попробовала она привести в порядок свои и старушкины растрепавшиеся чувства.

– Холмик, Лидочка, – прошептала Анна Егоровна.

– Ну и что? – спросила Лидия Григорьевна. – Холмик... Вы, Анна Егоровна, просто перепугались. Успокойтесь и выбросьте все из головы.

Она попыталась придать своему голосу уверенные и

немного менторские нотки. «С ума сойдешь с этими старушками, – подумала она. – Насмотрятся фильмов, и вот тебе результат – каждый холм сойдет им за свежую могилу! А потом ищи в Адымчаре врача, а врачи в Адымчаре – редкость. Нет здесь врачей. Одна медсестра участковая. Из местных. Знает только, как укол одноразовым шприцем сделать. Толку от нее мало...»

Анна Егоровна не отводила замороженного взгляда от корзинки, доверху наполненной маслятами. Доводы Лидии Григорьевны ее не убедили. Наоборот – бедная дама окончательно уверилась в обратном.

По ее взгляду Лидия Григорьевна поняла, что грибы эти Анна Егоровна есть не сможет.

* * *

Алексанов не знал, что ему делать. Обратиться в милицию? Ну, нет. Этого он позволить себе никоим образом не мог.

Мало того, что, отыскав шантажиста, они неминуемо натолкнутся и на его видеоматериалы, свидетельствующие о... Лучше промолчать, о чем.

Так ведь еще и прошлый год у них в памяти свеж...

Прошлый год... Алексанов задумался. Он вспомнил. Тогда он увидел это лицо и понял – он будет его, Алексанова, преследовать.

Как этот мальчишка смотрел на Алексанова! Сколько холодной ярости было в его глазах!

Алексанов поежился. Даже сейчас при воспоминании об этом взгляде его бросало в дрожь... А тогда он боялся смотреть в его сторону, боялся натолкнуться на этот многообещающий взор... Стрела. Стрела?!

Нет... Не может этого быть!

Целый год о нем не было ничего известно. Целый год он пытался найти мальчишку, проследить его путь. Ничего. Мальчишка исчез. Откуда бы теперь возникнуть из небытия туманному силуэту из прошлого?

Шантажист требовал десять тысяч долларов. Сумма даже для него немаленькая. Но съемки могли подсказать, кто стрелял в Виктора Степановича. Чья рука пустила проклятую стрелу...

«Лучше заплатить», – подумал он.

Или подыскать способ убить сразу двух зайцев.

Впрочем, лучше не вспоминать это слово. Убить... Он сжал виски ладонями... Убить... Пока кто-то пытается убить его самого. Стоп. Он нашел выход...

Он позвонил Елене. Та мгновенно появилась на пороге. Вся ее поза выражала готовность угодить.

– Найди мне частного детектива, – приказал он, – желательно женщину.

– А женщину-то почему? – осмелилась удивиться Елена.

– Потому, – ответил Виктор Степанович, – что женщина

безвреднее.

«Потому что ты считаешь женщин более глупыми, – подумала Елена. – Ну, хорошо. Я найду тебе женщину».

Она кивнула и вышла.

Через несколько минут она тихой тенью возникла на пороге снова и положила на стол номер телефона.

– Вот, Виктор Степанович. Это телефон некой Татьяны Ивановой. Мне очень ее рекомендовали. Но только... – она замялась. – Ее сейчас в городе нет. Она отдыхает. В Адымчаре.

«В Адымчаре... Это сама судьба», – подумал Алексанов.

Через полчаса машина несла его прочь из Тарасова.

Глава 3

Катя дожидалась Сашку в кафе. Сегодня она проснулась и, к собственному удивлению, поискав Сашку по всему дому, обнаружила, что его нет. На столе лежала записка. Он должен был появиться в кафе «501» около двенадцати. Сейчас стрелка часов уже перевалила за половину первого, а Сашки не было.

Катерина тоскливо смотрела в окно, где на другой стороне улицы тусовались байкеры. Они торчали около своих мотоциклов. Катька почувствовала себя глубоко несчастной. Из-за того, что не было Сашки. Из-за того, что денег на вторую чашку кофе тоже не было. Из-за того, что, черт побери, у нее никогда не будет такого «Харлея», как у того высокого светловолосого парня.

Она посмотрела внимательней и вздрогнула. Владелец «Харлея» показался ей знакомым. Ей отчего-то стало холодно. Она почувствовала себя снова в зарослях шиповника.

Он повернулся в профиль. Точно. Такой профиль был редкостью. Красивый, эллинский профиль. Катя залюбовалась правильностью черт. Длинные волосы были забраны в хвост. Взялся рукой за руль.

Этот жест ей что-то напомнил. Ночной стрелок...

Странно, но Катька не испытывала страха. Наоборот, ей захотелось подойти и дотронуться до него. Он все еще был

существом из сказки. Она была очень рада встрече с ним!

«Он убийца», – попыталась она остановить свое восхищение. Но глубоко внутри она знала – убийцы не бывают такими прекрасными.

– Держись, золотце мое, скоро мы разбогатеет, – прозвучал над ее ухом голос Сашки.

Она собралась уже обратить его внимание на ночного стрелка. Но, подумав, не стала. Моторы взревели. Байкеры отправились в путь. Она проводила их взглядом.

– Что с тобой? – спросил Сашка недоуменно.

Она хотела сказать ему. Она даже открыла рот. Но смолчала.

– Ничего, – пожала плечами, – ничего особенного.

И улыбнулась.

* * *

В дверь постучали. Я оторвалась от чтения и крикнула:

– Открыто!

Робкий попался посетитель. Вместо того чтобы открыть дверь ногой и появиться на пороге с сакраментальным: «А вот и я!» – он повторил робкое царапанье. Я поняла, что без моей помощи он не обойдется. Спрыгнув с кровати, я подошла к двери и распахнула ее.

За дверью стоял Виктор Степанович Алексанов собственной персоной. Он подал знак сопровождающей его мрачной

физиономии, выглядывающей из-за плеча. Физиономия выражала крайнее неодобрение моей, не вписывающейся в его мировоззрение фигуры.

Уж и не знаю, что подозрительного в моей простодушно-обаятельной внешности. Но вот не внушаю я гоблинам глубокого чувства симпатии... А жаль.

Кстати, при виде вышеназванного джентльмена на пороге моего бунгало я и сама остолбенела. Не каждый день к тебе в загородную резиденцию такие гости приезжают. Высокий гость огляделся. Кажется, он и сам был растерян.

– Добрый день, – поздоровался он. – Так вот вы какая, знаменитая Танечка Иванова!

Мне очень захотелось поинтересоваться, какая же я.

– Здравствуйте, – я все-таки решила быть вежливой.

– А я к вам по очень деликатному дельцу, – он подобострастно улыбался. Видимо, его дельце было весьма жизненным, раз он отыскивал меня в дачных проулках.

– Позвольте войти?

Я кивнула.

Он прошел внутрь, оглядел скромную обстановку моего убежища с недоумением, – думаю, особенно его поразило полное отсутствие в доме мраморных колонн. Сел на диван и продолжил:

– Меня, Танечка, изволят шантажировать. В милицию я обращаться не стал, да и не занимаются они такими делами – сами знаете, какой у нас разгул преступности, а вас я

рискнул побеспокоить...

Он выразительно помолчал, явно ожидая моих уверений в том, что это меня не беспокоило.

Я сегодня решила побыть врединой, и ожидаемых заверений он не получил.

– Я, Танечка, как и все люди, слаб и грешен, – повинился он некстати. – И некоторые мои слабости засняли. А теперь требуют денег.

– Сколько? – мрачно поинтересовалась я.

– Десять тысяч долларов, – вздохнул он, разведя руками.

– Так заплатите, – безжалостно посоветовала я.

Он удивленно вытаращился на меня. Я вела себя непредсказуемо. Но мне не нравился Виктор Степанович Александров. И я ничего не могла с собой поделать.

Впрочем, когда я поняла, что он готов расплакаться от моей жестокости, я сжалилась.

– Ну, хорошо, – сменила я гнев на милость, – но беру я дорого. Вам дешевле заплатить шантажисту. Я запрашиваю четыреста долларов в сутки.

Я даже зажмурилась от собственной наглости. Сейчас он уйдет. Наверняка уйдет. Может, это и к лучшему. Александров с возу – Татьяне Ивановой легче.

– Меня это устроит, – услышала я совершенно спокойный голос. Я расширила от удивления глаза. Ему эта сумма казалась нормальной. «Что ж, – усмехнулась я про себя. – Значит, не судьба мне вырваться из его отвратительного обще-

ства. Хоть денег заработаю. Тоже неплохо».

– Если вы хотите, чтобы я вам помогла, давайте договоримся сразу об одной вещи, – посмотрела я на него сурово, – вы ничего не будете от меня скрывать.

По-моему, он затрепетал от моей суровости. Я почувствовала себя немного удовлетворенной.

И попросила его рассказать мне всю историю.

Честно говоря, сексуальные подробности меня не интересовали. Поэтому я слушала про них вполуха, отметив, что бедняга страдает садомазохизмом.

– Вам придется назвать имена участниц вашей ночной оргии, – заметила я, – вполне возможно, что шантаж – дело их рук.

Он дернулся. Отчего-то называть их имена ему не хотелось.

– Это обязательно? – спросил он.

– Да, – пожала я плечами, – если вы действительно хотите найти шантажистов.

– Маргариты сейчас в городе нет, она уехала отдыхать, – тихо сказал он.

– Куда?

– В Испанию.

Мне показалось, что он врет. Хотя зачем ему это надо?

– А вторая?

– Вторая... Кажется, ее звали Валя. Она работает в «Октябрине».

Я присвистнула. Хорошая фирмочка. Из тех, что дают рекламы в газеты, где под изображением обнаженной дамочки публикуют предложения помочь провести презентацию и организовать отдых.

Алексанов смотрел на меня взглядом виноватого ребенка, которого застукали на месте преступления, когда он воровал конфеты. Несоответствие его представительной фигуры и этого взгляда меня развеселило. Я почти забыла всю глупину неприязни, которую он у меня вызвал.

– Кто еще мог знать, где расположено ваше любовное гнездышко?

Он пожал плечами.

– Только девочки, – сказал он, – моя жена не любит здесь бывать.

– А ваша жена... Она не могла это организовать? Вы с ней в хороших отношениях?

Он усмехнулся. Я все поняла. Его жене было абсолютно наплевать. Он оплачивал ее безоблачную жизнь, и ей этого вполне хватало. Я видела ее по телевизору. Обычная деревенская тетка, получившая от судьбы великолепную возможность жить, как светская львица.

Жена отпадала. Нормально мыслящая тетка не станет рубить сук, на котором она сидит.

Оставались пока только девочки из «Октябрины». Этим вполне могло прийти в голову подработать таким нехитрым и надежным способом.

Хотя... Ведь на кассете были и их лица тоже. Скорее всего им не нужна огласка. Тогда кто?

Пока я не знала. Пока я ничего не знала. Даже о моем клиенте я знала только то, что он позволял узнать о себе.

Я взглянула на него. Обеспокоен. Очень. Нервничает. Неужели дело только в шантаже?

– Это все?

Он замялся. Взглянул на меня, решая, можно ли мне доверять. Да, мой клиент явно хранит в своем шкафу скелет.

– Дело ваше, – равнодушно посмотрев в окно, сказала я, – не хотите откровенничать – не надо.

– Это может не относиться к делу, – пробормотал он.

– Тем более, – кивнула я. – Не может так не может.

В конце концов, с меня хватит и шантажа.

* * *

Алексанов уехал. Я осталась одна. Мой отдых, увы, подошел к концу.

История мне не нравилась. Сама личность Алексанова не отличалась притягательной силой обаяния. Напротив, он возбуждал антипатию.

Жесток, властолюбив, влюблен в деньги. Как теперь выясняется, еще и развратен.

Да и что я могла расследовать? Его экономические преступления? Еще чего... Никакого желания...

Найду шантажиста, и все. Вы свободны, госпожа Иванова. Единственное утешение в этой истории...

В дверь постучали.

– Входите, открыто, – сказала я, вздохнув. Оказывается, и в Адымчаре нет покоя бедной Танюше...

Лидия Григорьевна вошла, держа в руках кастрюльку, источавшую великолепный запах тушеных грибов. Я почувствовала, как мне сразу захотелось есть.

– Танечка, грибов тебе вот пожарила... Поешь?

Лидия Григорьевна явно старалась угодить моей маменьке. Я улыбнулась.

– А вы за грибами ходили? – поинтересовалась я.

– Да не я, – махнула рукой соседка, – Анна Егоровна. Только она эти грибы мне отдала.

Я удивилась. Анну Егоровну я знала как грибную маньячку. Что за странное явление заставило ее заняться благотворительной раздачей грибов?

Я задала свой вопрос Лидии Григорьевне.

Она махнула рукой:

– Да ей какая-то свежая могилка примерещилась... Корвалолом отпаивать пришлось. Черт ее знает, чего придумывает!

Она переложила грибы в тарелку, очень огорчилась, узнав, что я уезжаю, посетовала, что столько работать нельзя, заболеть можно. И ушла.

Я и сама не хотела уезжать. Спокойный Адымчар всегда

обладал для меня притягательной силой. Смотреть на Волгу со своего мыска я очень любила.

Впрочем, судя по происходящему, Адымчар становился беспокойным местом. То по ночам тетки приходят. То Алексанов приезжает. То пожилые леди находят в грибном месте свежие могилки... Чушь какая-то.

Завтра начнут разгуливать по нашим тихим дачам живые мертвецы, возглавляемые Оменом...

Да уж, хороша станет здешняя жизнь. Покой сменится мистическим бредом.

Я кончила собирать сумку. Закрыла дачу и пообещала вернуться как можно скорее. Было так жаль оставлять ее здесь совсем одну... А вдруг мертвецы изволят явиться в момент моего теперешнего вынужденного отсутствия?

Глава 4

Он уже второй час не мог справиться с собой. Она его взволновала. В ней был тот самый шарм, которого так не хватало окружающим его женщинам.

Тот шарм, который был у той девочки... Скрытая сексуальность, не обнаженная, как у его подружек, а тщательно спрятанная, даже от себя. Как будто знание собственного оружия может повредить его силе.

Он прикрыл глаза. Перед ним возник ее образ.

Эта презрительная улыбка, скривившая на мгновение ее чувственные губы... Этот быстрый взгляд, брошенный как утешительный приз... И полная недоступность. Он почувствовал ее мгновенно. Как в той девочке...

Он стиснул руки в кулаки. Сейчас он взорвется. Его дыхание стало тяжелым. Боль начиналась в области живота и поднималась выше, овладевая всем его телом. Он почувствовал, как в уголках глаз появляется влага. Это его физическая боль выходила вместе со слезами.

Через несколько минут он почувствовал, как она его отпускает.

Перед ним лежала картина. Он только что отдал за нее сумасшедшие деньги. Это был маленький набросок Гейнсборо. Прелестное лицо девушки с огромными улыбающимися глазами и легкой, немного презрительной улыбкой.

Так похожей на ее улыбку.

Он поцеловал ее. Она была прекрасна. И – недоступна, как любая настоящая красота. Именно это заставляло его так ненавидеть. И так любить.

Он достал нож. Посмотрел на изображение девушки в последний раз. Занес руку и разрезал набросок на две половины.

Девушка продолжала улыбаться.

* * *

Дома было тихо. Немного пахло одиночеством. Я включила телевизор, чтобы разговор хоть немного оживил мертвую тишину. Интересно, почему мой дом так обижается на мое отсутствие, что непременно старается показать свою обиду грустным молчанием?

Я знала, что мое появление обрадовало его. Но пока он не спешил проявить свои истинные чувства.

«Ничего, – подумала я, – помолчишь, помолчишь – и улыбнешься».

На столе валялся брошенный перед отъездом и забытый мешочек с моими магическими косточками.

– Я соскучилась по вас, – сообщила я им и взяла его в руки. Мне, как всегда, был нужен совет.

Я достала их из мешочка и сосредоточилась, зажав кости в ладонях. Долгое общение с ними позволяло мне почувство-

вать, как по моим рукам побежали слабые волны излучения.

«Права ли я, в своем неприятии Алексанова?»

31+8+20.

«Вас беспокоит справедливое недоверие к одной особе. Подозрение это было вызвано одним обстоятельством, которое повергло вас в смятение, так как были задеты ваши застенчивость и стыдливость».

Ну, предположим, что игрища Виктора Степановича повергли меня не в такое уж смятение. Конечно, застенчивость и стыдливость мне присущи, но эти бесценные качества девичьей души несколько потухли под давлением суровой реальности.

Мое недоверие сочли справедливым. Более того, мне показалось, что мои косточки намекают туманно на некое обстоятельство в прошлом моего клиента, которое никак не назовешь благопристойным.

Я кинула во второй раз.

33+20+2.

«На вашем горизонте появится особа, которая захочет помешать вам принять выгодные деловые предложения. Ее усилия тщетны».

Интересно, как эту самую особу зовут и где она живет. Хотелось бы разрушить ее коварные планы раньше, чем она успеет приступить к их осуществлению. Жаль, что язык костей аллегоричен. И они не дают точных имен и адресов...

34+9+18.

«Вы вспомните о том, что у вас есть старый и верный друг, способный поддержать вас и даже преподнести сюрприз».

Спасибо за напоминание. Я помню о Мельникове. Правда, сюрпризы от него лучше не получать.

Все. Сеанс закончился. В этот момент кости сами выпали из моих рук, образовав следующее сочетание:

34+10+18.

«Против вас действует тайный противник, но, если вы будете осторожны, он разоблачит сам себя в самый неожиданный момент».

Меня предупреждали об опасности. Спасибо. Я постараюсь быть осторожной.

* * *

Леночка появилась на пороге алексановского кабинета неожиданно. «Как всегда», – усмехнулся про себя Виктор Степанович. Он мгновенно создал видимость напряженной работы.

Переложил бумаги с одной стороны стола на другую, сделал вид, что весь в трудах и Леночкиного появления даже не заметил.

Леночка кашлянула. Он поднял глаза и посмотрел на нее с удивлением. Откуда, мол, вы здесь, прелестное создание?

– Трубочку возьмите, Виктор Степанович, – с достоинством молвила Леночка, и по этому ее достоинству Виктор

Степанович моментально догадался, что звонит Брызгалов.

– Хорошо, – кивнул он и поднял трубку.

Леночка осталась стоять в дверях. Алексанов вопросительно вскинул вверх брови.

Она поняла его молчаливый приказ и удалилась. Ему показалось, что она оскорблена его недоверием. Он усмехнулся. Доверять Елене было бы самой большой глупостью на свете.

– Алло, – сказал он, как только дверь за ней закрылась. В телефоне отчетливо был слышен щелчок, по которому Виктор Степанович определил, что их подслушивают, и догадываться с трех раз, кто это делает, Алексанову было не нужно. Пускай.

– Чего ты опять натворил? – спросил его Брызгалов голосом директора школы.

Он вздохнул. Иногда ему мечталось, что Брызгалова наконец-то посадили. Или пристрелили. И он свободен.

Но... Виктор Степанович не был идиотом. Он понимал, что стоит только произойти исчезновение Брызгалова из пределов народной видимости, как его, алексановская, песенка тоже будет спета.

Поэтому надо было мириться.

– Да ничего, – пробубнил он.

– А детектившу нанял зачем?

«Тебя выслеживать», – хотелось сказать Алексанову. Но негоже собаке кусать хозяйскую руку. Потому он смолчал.

– Проблемы кой-какие появились, – признался он.

– А я бы твои проблемы не решил... – укоризненно протянул Брызгалов.

– Как? – спросил Алексанов. – Наслал бы дюжих своих молодцев? А я потом с органами разбирайся? Или привлек бы своих знакомых с Запада? Мне сейчас на гребне популярности находиться не климатит. Ты уж извини.

– Ладно, не обижайся, – добродушно проворчал барин. – Ты уж сразу в бутылку полез. Ты в этой детективше-то уверен?

– Нормальная, – пожал плечами Алексанов, – умная, но не в перехлест. Осторожная. И цены заламывает гигантские. Значит, деньги любит. Так что молчать будет.

– Ну и ладно. Фамилия-то у нее какая?

– Иванова, – нехотя пробурчал Алексанов.

На другом конце трубки воцарилось зловещее молчание. Потом трубка прошипела:

– Иванова?! Уж не та ли, которая недавно сатанистов накрыла?

– Не знаю, – признался Виктор Степанович, – я про твоих сатанистов не слышал.

– Они не мои. Но если ее зовут Татьяна, это она. И тогда советую тебе быть начеку.

– А что?

– Она опасная дамочка. Хитрая и умная, стерва.

Алексанов отчего-то обиделся. И обсуждать этот вопрос

не захотел. Поэтому они попрощались, и Алексанов понял – глаз да глаз за ним теперь будет. И благодаря этому проклятому глазу брызгаловских ребят как бы ему не влететь в неприятности...

* * *

Мельников, как это ни странно, объявился сам. Я уже собиралась отправиться в облпрокуратуру, дабы разыскать его, как телефон мой разразился веселым звоном, и, подняв трубку, я услышала голос Мельникова.

– Тань, – спросил он меня без всякой подготовки, – тебе вермишель нужна?

Я задумалась. Вопрос о вермишели пока не возникал в моем сознании. Я даже не знала, нужна она мне или я смогу перекантоваться без вермишели еще некоторое время. Просто когда тебе звонит твой лучший из друзей и спрашивает о продуктах питания, это означает, что финансовый кризис мощными щупальцами вцепился и в наши ряды.

– Нет, – решила я.

– Жалко, – огорчился Андрюшка. – У меня ее целый мешок.

– А зачем ты ее брал? – удивилась я. Мельников никогда этаким запасливостью не отличался.

– Стадному чувству подчинился, – горестно признался Мельников. – Все брали. И я взял.

– Маше Поляновой отдай, – посоветовала я, – у нее сен-бернаршу кормить нечем.

Мельников замолчал. Он явно не был готов отдать полмешка с трудом добытой вермишели собаке. Но здравый смысл победил.

– Ладно, – согласился он, – собака почти человек. Позволю.

Он уже собирался повесить трубку, как я заорала:

– Подожди!

Он испуганно спросил:

– А что? Ты передумала?

Я его разочаровала своей непоследовательностью.

– Да нет... У меня же к тебе дело! Только разговор, Мельников, никак не назовешь телефонным.

– А-а... – протянул он. – Ладно, зайди ко мне на работу.

Мы договорились о встрече. Мельников долго листал свой ежедневник, наконец было выбрано устраивающее нас время. Я повесила трубку и облегченно вздохнула.

Одна ниточка у меня появилась.

Я решила дернуть и за вторую. Полистав газетку, приходящую на дом в качестве бесплатного презента, я нашла телефон «Октябрины».

Ответом мне были короткие гудки. Сразу стало понятно, что наш народ имеет склонность к презентациям и банкетам, которые обязывалась обустроить «Октябрина». Я опять набрала номер. Дозвониться оказалось делом сложным. По-

смотрев на часы, я увидела, что мне пора.

Что ж, придется дозваниваться позже. Ведь общение с Мельниковым, судя по предсказаниям чисел, должно преподнести мне некий сюрприз. И вполне возможно, что именно там я получу еще одну нить, ведущую меня к шантажистам.

* * *

Сашка не знал, стоит ли рассказывать Катерине о его афере. Или просто, дождавшись конца предприятия, принести ей кейс с долларами?

Он понимал, что Катька его игры не одобрит. Она всегда была трусишкой.

Но переполнявшее его ликование рвалось наружу. И он смотрел на Катю с тем видом, исполненным загадочности, который свойствен людям, собирающимся преподнести тебе сюрприз.

Катька этого сюрприза очень опасалась. Но бороться с Сашкой, решившим заняться подпольными махинациями, было бесполезно. Поэтому она смиренно ждала, когда возлюбленный обрушит на ее невинную голову шквал речей.

Она, правда, пыталась оттянуть момент откровенности. То стирала, то срочно требовалась уборка, то пора было заняться ужином.

Сашка ее молчаливое сопротивление уловил. Ее мельте-

шение начало его раздражать. Он попробовал завладеть ее вниманием, предложив ей попить чаю.

Она кивнула, но сказала:

– Сначала завари...

Это его немного возмутило. С чего бы ему этими делами-то заниматься?

Но, поразмыслив, он решил не связываться. Он смиренно заварил чай и даже сделал бутерброды.

Катка в это время остервенело оттирала раковину в ванной.

– Кать... – позвал он ее.

– Сейчас, – повернулась она к нему. Прядь волос упала ей на глаза. Она покраснелась, и личико ее стало прелестным. Он залюбовался ею.

– У меня все готово. Пойдем? – Это получилось у него умоляюще. Катке стало его нестерпимо жалко. Растерянный и несчастный, он умолял его выслушать. Сопротивляться дальше было бесполезно. Она вздохнула:

– Ладно. Сейчас.

Положила тряпку, закрыла воду и вытерла руки. После этого она прошла на кухню и поняла, что ей хотят сообщить нечто суперважное. Об этом свидетельствовала красивая тарелка, на которой были разложены бутерброды. Обычно липкий и грязноватый стол Сашка протер до блеска.

Катка улыбнулась. Сашка понял, что он своего добился. «Мы скоро разбогатеем», – собрался сообщить он. Но, по-

думав, остановился. Это обещание она уже слышала раз сто. Она вздохнет, посмотрит на него почти материнским взглядом и посоветует наконец повзрослеть. Нет.

– Катюша, я задумал одно дело, – начал он осторожно. Она так посмотрела, что Сашке отчего-то стало стыдно.

– Я догадалась, – вздохнула она.

– Кать, оно выгорит, вот увидишь!

Его радость показалась ему самому чересчур деланой. Кажется, он переборщил с тоном.

– Рассказывай, – махнула Катя рукой.

Он понял, что она ему не верит. Это его разозлило.

– Не буду! – Он встал и пошел к выходу.

«Пускай», – подумал он рассерженно, надевая куртку.

Катерина проводила его усталым взглядом.

Он хлопнул дверью.

Холодный вечерний воздух немного освежил его, приводя в порядок разгоряченные мысли и чувства.

Он сел на скамейку. Сейчас ему захотелось вернуться. Там было тепло. Уютно кипел чайник.

А с Катькой последнее время происходит что-то странное. Она нервная.

Он посидел на лавке еще минут десять, решив, что именно столько времени необходимо для того, чтобы Катька почувствовала, как она не права.

Потом вернулся.

Катька сидела за столом и улыбалась. Самое гадкое было,

что он мгновенно понял: улыбка предназначена не ему.

Тогда кому? Просто так? В пространство?

Сашка подавил приступ бешенства. Подошел и чмокнул ее в щеку, пробормотав:

– Прости...

Она посмотрела на него. И улыбка ушла с ее губ.

Глава 5

Мельников приветствовал меня детской улыбкой и словами:

– Однако ты, Иванова, похудела. Просто тростинка стала. Это оттого, что ты вермишелью питаться отказываешься.

– Нет, – покачала я головой, – просто я, в отличие от некоторых следователей, верна своим принципам и в очередях не торчу. Я другой отдых предпочитаю.

– Ну и ладно, – незлобиво согласился Мельников, – и не стой. Тебе идет худенькой быть.

Он понял, что я намереваюсь приступить к интересующему меня вопросу, и вздохнул.

– Начинай, – махнул он рукой, – иногда ты бываешь невыносимо скучной.

– А ты, милый, иногда потрясаешь чрезмерной веселостью, – отомстила я.

– Это все из-за кризиса, – печально согласился он, – мои мозги перестали получать достаточное количество сахара. Но я постараюсь тебе помочь. Хотя у меня с соображением туго.

– Я тебе буду приносить сахар, – милостиво предложила я, – как Мандельштам Цветаевой таскал папиросы.

– Понял, – улыбнулся Мельников. – Ты мне – сахар, я тебе – сигареты. Так и продержимся.

Я вкратце поведала ему о событиях в Адымчаре. Некоторые подробности алексановских развлечений я опустила. Он нахмурился сразу, как только услышал алексановское имя.

– Вечно тебя, милая, в болото тянет... – вздохнул он. – Ты хоть знаешь, что за фрукт твой Виктор Степанович?

– Примерно, – пожала я плечами.

Он поднялся и подошел к сейфу. Открыв его, долго что-то искал. Потом нашел папку и протянул ее мне.

– Предыстория такова, – начал он. – Год назад Тарасов терроризировал маньяк. Довольно долго. Девчонки пропадали, как в Бермудском треугольнике. Мы хватались за голову, но поделать ничего не могли. Никаких свидетелей. Никаких следов этот паразит не оставлял. История ужасная.

Я слышала про прошлогодний кошмар. История потрясла весь Тарасов. Девочек старались не выпускать на улицы. По радио и телевидению без конца передавали просьбы быть осторожнее.

– И ты считаешь, что маньяком был Алексанов? – обрадовалась я. Это освобождало меня от необходимости дальнейшего сотрудничества с неприятной личностью.

– Да нет... Ничего я не считаю, – махнул он досадливо рукой. – Ты слушай дальше. Пропало восемь девочек от тринадцати до шестнадцати лет. Все они были, как бы помягче выразиться... В общем, мама их называет «девицы легкого поведения». Можешь посмотреть... Запущенные, отчаянные девчонки... Родители в основном алкоголики. Поэтому

искать их никто особенно не рвался. Заявлений о пропаже несчастных девчонок было мало. Два тела вообще остались неопознанными... Искать убийцу было трудно. Мы проверили все связи, всех сутенеров – ничего. Пусто. Так и мыкались, как слепые котята. Решили пойти даже на «подсадку». Не вышло... Наша сотрудница все ночные тарасовские улицы прошла – безрезультатно! В Тарасове – тишина и спокойствие. Ладно, решили, что маньяк наш либо успокоился до поры до времени, либо в отъезде...

– А психиатрические больницы? – поинтересовалась я.

– Проверяли, – кивнул он, – всех, подходящих по профилю заболевания, проверили. Все имели алиби. Как раз в этих больницах и находились. На лечении. Пришли к грустному выводу: маньяк наш неучтенный. Вот тут-то и происходит новая трагедия.

С этими словами он открыл папку. Я посмотрела и почувствовала, как в груди больно защемило.

На меня смотрела потрясающая девочка. Я никогда не видела такого сходства с Рафаэлевой Мадонной. Удивительное лицо с правильными чертами. Глаза, светящиеся мягким светом... Девочка была совершенным творением природы.

На второй странице пухлого дела была другая ее фотография. Девочка лежала на траве, ее руки были раскинуты, будто девочка решила полетать и упала. Ее лицо осталось прекрасным, несмотря на то что все было покрыто синяками. И грязью.

Я смотрела на фотографию, и мне хотелось тихонечко завыть. На это было страшно смотреть даже мне – сыщице Ивановой, видевшей, уж поверьте, такие картины, что волосы вставали дыбом.

Я поглядела на Мельникова. Как будто Мельников мог сотворить чудо и вернуть к жизни это совершенное существо.

Мельников смотрел в окно и нервно барабанил по столу пальцами.

– Господи... – прошептала я.

Он взглянул на меня и продолжил:

– Эта девочка не подходила к стереотипу прежних жертв. Очень спокойная. Одаренная. Зацепка была одна – репродукция. Ей незадолго до этого прислали репродукцию, разрезанную тупым предметом надвое... Тогда родители отнесли к этому как к чьей-то злой шутке. Потом сходство Ксении с Рафаэлевой Мадонной приобрело зловещие очертания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.